

УДК 340.12

Взгляд двух юристов на Советский Татарстан: Ш. Ш. Хафизов и Т. Д. Давлетшин

Д. Р. Зайнутдинов,

*Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП),
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

Views of two lawyers on Soviet Tatarstan: Sh. Sh. Khafizov and T. D. Davletshin

D. R. Zaynutdinov,

*V. G. Timiryasov Kazan Innovative
University (IEMU),
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

В рамках грядущего столетия образования Союза Советских Социалистических Республик весьма актуально рассмотреть вопрос о том, как на функционирование советского федерализма смотрели советские юристы эпохи Хрущева-Брежнева, и как его эффективность оценивали представители эмиграции. Усилить актуальность этой тематики можно путем обращения к научным взглядам представителей советской национальной интеллигенции. По этой причине автор настоящей статьи для проведения исследования выбрал двух крупных татарских ученых-юриста – Шамиля Шарифовича Хафизова и Тамурбека Динмухаметовича Давлетшина. Целью работы является выявление их отношения к модели советского федерализма. Задачами исследования стали: изучение личности Ш. Ш. Хафизова и Т. Д. Давлетшина, их трудов, поиск соприкосновения позиций по вопросу расширения прав Татарской Автономной ССР. Хронологическими рамками исследования стал период первая половина 1920 – начало 1970-х гг. Ш. Ш. Хафизов и Т. Д. Давлетшин представляли собой прекрасные примеры татарских юристов, старавшихся своей практической и научной деятельностью исправить имеющиеся недостатки советского федерализма. По мере своих возможностей они выдвигали критические замечания в адрес функционирующей системы органов государственного управления, давали рекомендации и предложения для развития федеративных отношений в СССР. Результаты, полученные в рамках данного исследования, отражают его новизну, состоящую в том, что татарская правовая мысль всегда представляла собой интересное историческое явление вне зависимости от той или иной эпохи. Несмотря на период ограничения свободы слова в СССР татарские интеллектуалы всегда находили возможность высказать свое мнение по поводу положительных или отрицательных черт существующей государственности и правовой системы.

Abstract

In terms of the upcoming centenary of the formation of the Union of Soviet Socialist Republics, it is very important to consider how the Soviet lawyers of the Khrushchev-Brezhnev era perceived the functioning of Soviet federalism and how representatives of emigration assessed its effectiveness. The relevance of this topic can be strengthened by referring to the scientific views of representatives of the Soviet national intelligentsia. For this reason, the author chose

two major Tatar legal scholars – Shamil Sharifovich Khafizov and Tamurbek Dinmukhametovich Davletshin, to conduct the study. The purpose of the work is to identify their attitude towards the model of Soviet federalism. The objectives of the study were: the study of the personalities of Sh. Sh. Khafizov and T. D. Davletshin, their works, the search for common ground to extend the rights of the Tatar ASSR. The chronological framework of the study is the period from the first half of 1920s to early 1970s. Sh. Sh. Khafizov and T. D. Davletshin were excellent examples of Tatar lawyers who tried to improve the existing weaknesses of Soviet federalism with their practical and scientific activities. Whenever possible, they criticized the functioning system of the general government, provided their recommendations and suggestions for the development of federative relations in the USSR. The results obtained in the present study reflect its novelty, which lies in the fact that the Tatar legal thought has always been an interesting historical phenomenon, regardless of a particular era. Despite the period of restriction to free speech in the USSR, Tatar intellectuals always found an opportunity to express their opinion about the positive or negative features of the existing nationhood and legal system.

Ключевые слова

СССР, Татарская АССР, федерализм, конституционализм, тоталитарный режим, эмиграция, национальная интеллигенция.

Keywords

The USSR, the Tatar ASSR, federalism, constitutionalism, totalitarian regime, emigration, national intelligentsia.

Созданный 30 декабря 1922 г. Союз Советских Социалистических Республик юридически был сложным федеративным государством, которое даже можно назвать суперфедерацией. Однако уже во второй половине 1920-х гг. советское и высшее партийное руководство взяло курс на отказ от федерализма как принципа взаимоотношений между составными частями государства. Победа в Гражданской войне во всех отношениях укрепила кремлевских коммунистов, позволив им отказаться от некогда провозглашенной идеи равноправия народов и признания за ними права государственного самоопределения. Закрепленные в Декларации прав народов России¹ от 2 ноября 1917 г. основы договорной федерации в виде «союза народов России» были с легкостью забыты. Позиция постепенного отказа от федерализма и движения к централизации и унификации была четко изложена И. В. Сталиным в его письме к В. И. Ленину еще 22 сентября 1922 г.: «За четыре года гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство Цека РКП, как обман и лицемерие со стороны Москвы»².

В модель советского федерализма, как и в систему власти в целом, были изначально заложены существенные пороки. Полуфедерация стала формой территориального устройства советской России, а унитарный федерализм – основным принципом построения отношений между центром и частями советского государства. В этом спектре А. Л. Земцов отмечает, «что “унитарный федерализм”, в рамках которого фактически существовал СССР, был в большой мере отражен в Конституции 1977 г.»³. В свою очередь, о какой-либо самостоятельности автономных республик не могло быть и речи.

Подавляющее большинство представителей национал-демократии, стоявшее в 1917-1920 гг. на просоветской стороне не могли предполагать, что большевики изменят идеи равноправия народу и откажутся от построения подлинного федеративного государства. Конечно, они не представляли, что к 1980-м гг. «страна Советов» превратится в централизованное унитарное государство. Пришедшее им

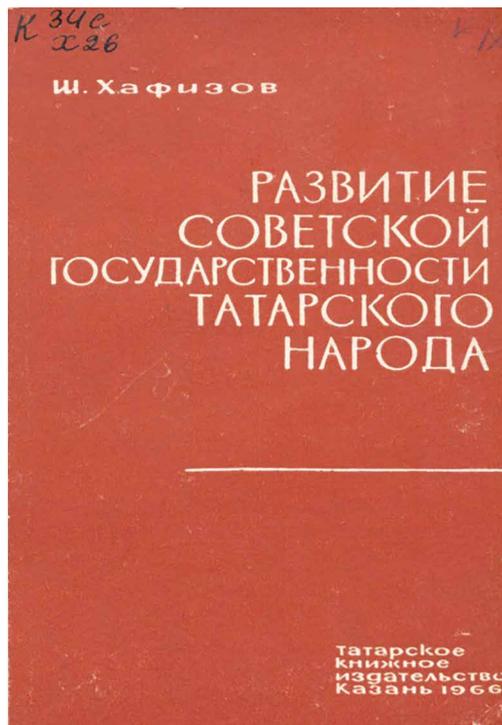
на смену новое поколение советских интеллектуалов со сложившимся положением вещей вполне смирилось. Они не столько не были готовы бороться за национальные идеалы 1917 г., а просто для этого не имелось политического поля. В дальнейшем восхваление «гениальности» ленинской национальной политики становится обязательным атрибутом при характеристике деятельности советских органов власти, не имея под собой подлинной федеративной основы.

Отношение советской национальной интеллигенции к модели советского федерализма можно проследить на примере анализа взглядов татарских ученых-юристов. В этом ключе интересным представляется исследование противоположных точек зрения таких татарских правоведов как Шамиля Шарифовича Хафизова и Тамурбека Динмухаметовича Давлетшина.

Ш. Ш. Хафизов, с одной стороны, рядовой преподаватель, кандидат юридических наук факультета советского строительства и права Казанского университета и Казанского юридического института⁴, но с другой, он яркий представитель научной интеллигенции Татарской АССР, ратовавший за расширение правомочий республики и укрепление ее национального базиса. Активная научная деятельность Ш. Ш. Хафизова пришлась на период «хрущевской оттепели». Пожалуй, именно поэтому его труды написаны более смелым языком, чем работы его предшественников, творчество которых приходилось на период сталинизма.

Обращаясь к взглядам Ш. Ш. Хафизова можно сказать, что он относился к числу объективных историков советского права и государства, которые старались указать на имеющиеся недостатки федеративных отношений в Советском Союзе. Всю свою научную жизнь Ш. Ш. Хафизов посвятил изучению историко-правового пути развития Татарской Автономной ССР. Важным моментом его научной деятельности выступает то, что некоторые труды об образовании и развитии ТАССР, написанные в 1960 г., были изданы не только на русском, но и на татарском языке⁵. Кроме того, он был редактором серьезной учебно-методической разработки к практическим занятиям по советскому финансовому праву⁶. Кандидатская диссертация Ш. Ш. Хафизова, защищенная им в 1964 г.⁷, представляет собой объемное фундаментальное исследование о татарской государственности, с которым мало что можно сравнить.

Среди массива научных трудов Ш. Ш. Хафизова особо выделяется работа 1966 г. «Развитие советской государственности татарского народа», которая, по сути, является главным трудом его жизни. Отличительной особенностью данной работы выступает то, что в ней автор указал на целый ряд

Хафизов Ш. Ш. Развитие советской государственности татарского народа / Под ред. С. Г. Батыева. – Казань: Таткнигоиздат, 1966. – 222 с.

Khafizov Sh. Sh. Development of the Soviet nationhood of Tatar people / Ed. S. G. Batyeva. – Kazan: Tatknigoizdat, 1966. – 222 p.

проблем, существенным образом мешавших развитию татарской государственности в рамках советской автономии. Также ученый высказал некоторые рекомендации, которые, по его мнению, должны были способствовать улучшению работы органов государственной власти и укреплению модели советского федерализма в целом.

Правовое развитие Татарской АССР первого периода советской власти он оценивал весьма положительно, выделяя широкие полномочия, которые были изначально закреплены за республиканскими органами. 1922 г. стал рубежом для советского федерализма. В преддверии образования СССР начался процесс сужения полномочий автономных республик. В качестве яркого примера Ш. Ш. Хафизов приводит постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Положения о судеустройстве РСФСР»⁸, после издания которого, полномочия ТАССР в сфере правосудия были существенно сужены. В республике остались лишь народные и областной (главный) суды⁹.

Ш. Ш. Хафизов был одним из первых юристов, кто в своих работах дал научную оценку проекту Конституции Татарской АССР 1926 г.¹⁰ Стоит отметить, что ранее затрагивать данную тематику было нежелательно, по той простой причине, что конституционный проект 1926 г. нес на себе отпечаток «правого» коммунизма. Во взглядах Ш. Ш. Хафизова прослеживается явное неодобрение отказа общесоюзного центра в утверждении проекта Основного Закона ТАССР 1926 г.¹¹ Хотя проект Конституции ТАССР 1926 г. так и не был официально признан высшими инстанциями РСФСР, тем не менее Ш. Ш. Хафизов отмечал, что «государственные органы Татарии руководствовались положениями этого закона, так как он соответствовал Конституции СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г., закреплял фактически сложившееся государственно-правовое положение республики»¹². Для своего времени он весьма подробно проанализировал процесс принятия на республиканском уровне проекта Конституции ТАССР 1926 г. (принят на II сессии ЦИК республики 25 июня 1925 г.), а также дал ему общую правовую характеристику.

Конституционная тематика в трудах Ш. Ш. Хафизова занимала особое место. Помимо проекта Основного Закона 1926 г. он дал развернутую характеристику и действовавшей в 1936-1977 гг. Конституции ТАССР 1937 г.¹³ В рамках этого анализа он подверг критике порядок и сроки созыва Верховного Совета Татарской АССР, а также местных советов. Так, Ш. Ш. Хафизов отмечал: «Верховный Совет Татарской АССР II созыва на протяжении четырех лет (1947-1951) лишь шесть раз собирался на сессии, в ходе которых рассматривались преимущественно такие вопросы, как утверждение бюджета республики и указов (причем бюджет обсуждался с большим опозданием – в середине бюджетного года)»¹⁴. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в сталинский период было широко распространено игнорирование органами власти конституционных положений. Конституционализм не признавался первостепенным фактором государственно-правовой деятельности.

Нормы Конституции СССР 1936 г. еще больше отразили унитарный характер советского федерализма и античеловеческую направленность модели репрессивного конституционализма, созданной И. В. Сталиным для проведения в стране ширококомасштабного террора. С принятием Сталинской конституции в сфере отношений общесоюзных, союзных и автономных органов государственной власти начался новый виток централизации. Этот аспект также нашел отражение в работе Ш. Ш. Хафизова, который, давая общую характеристику этим федеративным связям, отмечал, что согласно Конституции СССР 1936 г., Конституциям РСФСР и ТАССР 1937 г., с одной стороны, несколько возросла роль высших органов

власти Татарской АССР, а с другой – усилилась централизация управления отдельными отраслями государственного строительства¹⁵.

Согласно концепции единства советской власти в районах, городах, поселках, селах, деревнях органами государственной власти являлись Советы депутатов трудящихся (статья 49 главы 5 Конституция ТАССР 1937 г.). Эти органы избирались сроком на два года. Сессии районных Советов депутатов трудящихся созывались их исполнительными комитетами не реже шести раз в год, тогда как сессии городских, поселковых и сельских Советов созывались не реже одного раза в месяц. В действительности, сессии местных Советов созывались крайне редко. Здесь Ш. Ш. Хафизов приводит пример, что «в 1951 году большинство из них (926 из 1 776) нарушили в этом отношении предусмотренные конституционные нормы. Были сельские Советы, которые вместо 12 сессий провели одну (это Ошняковский – Билярского и Балчиклинский – Шереметьевского районов), а некоторые райсоветы (Дубязский и Теньковский) вместо шести – три. К тому же такие важные вопросы, как развитие местной промышленности, сельского хозяйства и культурного строительства, на них рассматривались от случая к случаю»¹⁶. Уточним, что подобные нарушения на местном уровне отчасти были вызваны элементарным непониманием значимости конституционных норм в деятельности органов власти. Отчетливо видно, что Ш. Ш. Хафизов ставил неудовлетворительную оценку развитию конституционализма в период 1930-1950 гг.

Формировавшийся с 1936 г. советский конституционный строй был нацелен на окончательное выстраивание жесткой вертикали публичной власти. Централизация власти проходила повсеместно на всех уровнях – начиная от союзного и заканчивая местным. Только в период постсталинизма некоторые советские юристы позволили высказать ряд критических замечаний в отношении процессов централизации, проходивших в 1930-1953 гг. В их числе был и Ш. Ш. Хафизов. Так, критикуя сложившуюся в указанный период систему, он отмечал: «Обладая определенной самостоятельностью в решении ряда вопросов, Татарская АССР не имела исключительных полномочий ни в одной области государственной жизни и всю свою деятельность ее органы должны были проводить под руководством и контролем РСФСР»¹⁷. Далее, он аргументировал свою критику, поясняя: «Усиление централизации проявилось прежде всего в упразднении автономных (необъединенных) наркоматов и преобразовании их в союзно-республиканские и республиканские с распространением на все наркоматы Татарской АССР принципа двойного подчинения, то есть подчинения не только правительству ТАССР, но и соответствующим наркоматам РСФСР. Наркомы РСФСР получили право отменять акты соответствующих наркоматов ТАССР... Значительное расширение компетенций Союза ССР за счет РСФСР и других союзных республик соответственно повлекло также перераспределение прав между РСФСР и ТАССР в пользу РСФСР... новая Конституция Татарской АССР в некоторых случаях предусмотрела неоправданную опеку вышестоящих органов СССР и РСФСР над органами республики (культура, просвещение, здравоохранение)»¹⁸.

Поэтапно реализуемая со второй половины 1930-х гг. модель репрессивного конституционализма все больше сужала компетенцию органов государственной власти национальных автономных республик. Эти аспекты вызывали особый интерес Ш. Ш. Хафизова, так как он не желал повторения их в будущем. Следует напомнить, что 1962-1964 гг. – это период деятельности Конституционной комиссии, образованной Н. С. Хрущевым, для разработки нового Основного Закона. В этом процессе отметился и Ш. Ш. Хафизов. Он входил в число преподавателей, которые приняли участие в разработке очередного проекта Конституции СССР (время разработки

1962-1977 гг.). В частности, Ф. Ф. Фаткуллин и Э. В. Краснов указывают: «В 1964 г. по заданию Татарского Обкома КПСС юридический факультет подготовил Проект главы Конституции СССР “Национально-государственная автономия”. Этот проект с объяснительной запиской на 11 листах 27 июня 1964 г. был направлен деканом Ф. Н. Фаткуллиным первому секретарю Татарского ОК КПСС Ф. А. Табееву»¹⁹. Помимо Ш. Ш. Хафизова в составлении проекта указанной главы приняли участие преподаватели Д. И. Фельдман, Н. А. Волков, Ф. Н. Фаткуллин, О. Ф. Иваненко, А. М. Каримов.

С вступлением 7 сентября 1953 г. Н. С. Хрущева на должность Первого секретаря ЦК КПСС началась активная фаза эпохи «оттепели». Динамика этой эпохи нашла свое отражение в трудах всех юристов того времени. Важными актами, целью которых ставилась повсеместная демократизация советского аппарата управления от низового до высшего звена, были Постановление ЦК КПСС от 25 января 1954 г. «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата» и Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 октября 1954 г. «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств СССР и мерах по улучшению работы государственного аппарата». Говоря о реализации этих партийных предписаний в Татарской АССР Ш. Ш. Хафизов, используя мягкую критику в отношении прошедшего периода, писал о борьбе с доставшемся от сталинизма «бюрократизме и волокиты»²⁰. Тенденция к повышению роли советов в управлении государством дала существенные результаты, о чем также отмечал ученый²¹.

В целом Ш. Ш. Хафизов дал весьма высокую оценку тем результатам, к которым привел XX съезд КПСС (14-25 февраля 1956 г.). «Он разработал крупные мероприятия по дальнейшему развитию партийной и советской демократии, повышению роли государственного аппарата, укреплению социалистической законности»²², – подчеркивал правовед. Началась новая эпоха и в систематизации советского законодательства. Очередная кодификация (первая была проведена в 1920-е гг.) охватила гражданское, уголовное и процессуальное законодательство. В частности, фундамент посттоталитарной нормативной правовой базы составили: принятые 25 декабря 1958 г. Основы законодательства о судостроительстве, Основы уголовного законодательства, Основы уголовного судопроизводства; принятые 8 декабря 1961 г. Основы гражданского законодательства и Основы гражданского судопроизводства; Положение о прокурорском надзоре в СССР от 24 мая 1955 г.; Положение о порядке рассмотрения трудовых споров от 31 января 1957 г. Касательно влияния решений XX съезда КПСС на развитие советского законодательства Ш. Ш. Хафизов отмечал: «Во исполнение указаний съезда о том, что необходимо провести серьезную работу по совершенствованию законодательства, которое бы отвечало новым условиям и новым задачам коммунистического строительства, Верховный Совет СССР с апреля 1954 по декабрь 1961 г. принял около 50 законов, а Верховный Совет РСФСР – свыше 40. Еще большее количество актов было принято в порядке утверждения Указов этих высших органов власти. В новых законах значительно расширились не только экономические, но и юридические гарантии прав и свобод граждан»²³.

Увеличение роли представительных начал в советском государстве являлось отличительной чертой эпохи правления Н. С. Хрущева. Оно находило отражение на всех уровнях власти. Коллегиальный принцип управления становится в приоритет над единоначалием. Здесь он отметил, что «несколько усилился контроль со стороны Верховного Совета и над деятельностью органов управления»²⁴. Количественный состав становится синонимом демократичности, а потому представительные органы

власти существенно увеличиваются в своем численном отношении. Ш. Ш. Хафизов обращал внимание на возрастание удельного веса в депутатском корпусе лиц, непосредственно занятых в производстве (рабочих и крестьян) и привлечению широкого актива к работе органов советской власти²⁵.

Децентрализация «хрущевской оттепели» ярче всего отразилась на преобразовании исполнительных органов власти. Так, Ш. Ш. Хафизов указывал, что «гораздо активнее и содержательнее стала деятельность исполнительно-распорядительных органов управления во главе с Советом Министров республики»²⁶. Эти преобразования затронули и министерства. Например, в марте 1957 г. было упразднено Министерство юстиции ТАССР, а его функции были переданы в Верховный суд республики.

Несмотря на начало эпохи застоя, Ш. Ш. Хафизов не отказался от своих воззрений в угоду новому курсу «развитого социализма», который утверждался путем унификации правового статуса автономных республик и широкой централизации власти. Он последовательно выступал за расширение правомочий автономных республик. Свою позицию ученый объяснял тем, что такое расширение приведет к более продуктивному выполнению задач, как союзного значения, так и национально-государственного характера. В этом ключе он выдвигал три приложения: во-первых, увеличить правомочия автономных республик в некоторых областях повседневной хозяйственной жизни; во-вторых, укрепить связи автономных республик с РСФСР и СССР; в-третьих, включить представителей автономных республик в состав союзно-республиканских органов управления, в ведении которых находятся отдельные отрасли экономики той или иной АССР²⁷.

Дабы избежать обвинения в национализме, свои предложения о расширении прав автономных республик Ш. Ш. Хафизов дополнял тем, что это нужно не для усиления национально-языковых и бытовых особенностей коренного населения, а для выполнения задач «более оперативного и конкретного руководства различными участками экономики и культуры сильно выросшими за последние годы, задачами лучшего осуществления ленинского принципа демократического централизма в современных условиях»²⁸. Ученый весьма искусно оперировал общекоммунистической терминологией, однако, в настоящее время отчетливо видно, что он пользовался либеральной динамикой «оттепели», открывавшей определенные перспективы для повышения правомочий автономных республик, в том числе и Татарской АССР.

Нельзя не признать, что Ш. Ш. Хафизов высказывал достаточно смелые идеи. Например, он ратовал за расширение компетенции автономной республики в области планирования. Его конкретным предложением в данной части являлось представление Совету Министров ТАССР права рассматривать разработанные министерствами и ведомствами СССР и РСФСР проекты планов по подведомственным им предприятиям, находящимся на территории Татарстана, и представлять предложения по ним в Госплан РСФСР и соответствующие министерства РСФСР²⁹. Еще одно его предложение, в рамках дальнейшего упрочнения федеративных связей в СССР, заключалось в избрании представителей автономных республик в постоянные отраслевые комиссии Верховных Советов соответствующих союзных республик; включения председателей Советов Министров АССР в состав правительств всех союзных республик, и прежде всего РСФСР, увеличения представительства автономных республик в высших органах государственной власти РСФСР³⁰.

В воззрениях Ш. Ш. Хафизова весьма четко прослеживается стремление превращения Верховного Совета (на всех его уровнях – общесоюзном, союзном, автономном) в полноценный советский парламент. Поэтому в этом отношении он выдвигал

следующую идею: «Для того, чтобы Верховные Советы АССР имели возможность более полно и активно осуществлять свои полномочия по руководству республикой, желательно, чтобы их сессии были более длительными и на них решались актуальные проблемы экономической, социально-культурной и государственной жизни»³¹. Тем самым, вполне очевидно, что ученый настаивал на усилении представительной демократии и развитии в ней парламентаризма советского типа. Его явно удовлетворяли те задачи, которые были высказаны советскими идеологами хрущевской эпохи. В связи с этим он упорно держался позиции расширения представительных начал на всех уровнях советской власти. Так, Ш. Ш. Хафизов указывал, что необходимо было «активизировать деятельность Президиума Верховного Совета ТАССР по контролю за работой правительства, республиканских министерств и ведомств, судебных органов, изучению и обобщению опыта местных Советов, проверке исполнения собственных решений, привлекая к этому делу депутатов, постоянные комиссии и широкий актив трудящихся»³². Кроме того, он позитивно относился и к популярной в то время тенденции здоровой критики в адрес органов государственной власти³³. Выдвигаемые Ш. Ш. Хафизовым идеи о необходимости повсеместного усиления представительных начал в базе советской власти заняли центральное место в его научно-исследовательской деятельности.

Таким образом, Ш. Ш. Хафизов является прекрасным примером представителя советской национальной интеллигенции, ученого-юриста, последовательно отстаивавшим интересы Татарской АССР. Анализ работ татарского юриста показывает, что по целому ряду вопросов о правовом статусе ТАССР он использовал мягкую критику. К таким аспектам относились низкая самостоятельность республики в планировании, недостаточность полномочий у представительной (законодательной) власти по контролю за деятельностью органов управления, расширение прав республики в сфере правосудия, конкретизация на конституционном уровне предметов общесоюзного, союзного и республиканского ведения и т.д.

Несмотря на выражение в своих работах приверженности коммунистическим идеалам, Ш. Ш. Хафизов никогда не поступался своими принципами. Будучи юристом, он в своих работах смог весьма тщательно разобрать те ключевые моменты, которые определили автономный облик татарской государственности и ее место в системе советского федерализма. Свои теоретические воззрения ученый перевел в готовящийся проект Конституции СССР, но в силу известных обстоятельств, он так и не был утвержден в варианте 1964 г. Тем самым своими научными трудами и практической деятельностью Ш. Ш. Хафизов смог внести существенный вклад в развитие татарской правовой мысли советского периода. Современные татарские политологи и юристы вклад в изучении истории татарской государственности, который сделал Ш. Ш. Хафизов, считают весьма существенным³⁴.

Ярким представителем татарских юристов, взгляды которого существенно отличались от советских правоведов, был Т. Д. Давлетшин – эмигрант, оставшийся после Второй мировой войны на территории Германии.

В своих оценках советского государства и общества Т. Д. Давлетшин был более, чем объективен. В его автобиографии нет той горячей ненависти к советской власти, которая обнаруживается в ряде воспоминаний других эмигрантов. Он положительно высказывается о советских ученых, врачах, о доступности образования и о высоком его качестве и т. д. Например, он очень положительно отзывался об Иркутском государственном университете, в котором учился во второй половине 1920-х гг.

Говоря о последующем своем периоде Т. Д. Давлетшин писал: «К моменту окончания мной университета политическое положение в стране уже настолько изменилось – новая экономическая политика подвергалась беспощадной ликвидации,

страной стало управлять фактически ГПУ-НКВД открыто террористическими методами и т. д., – что перспективы для более или менее успешной адвокатской деятельности стали на ближайшее время весьма благоприятными»³⁵. Адвокатская деятельность напрямую сыграла в дальнейшей травле татарского юриста.

На первом этапе жизненного пути, точнее до его обвинения во «вредительстве» и ареста в 1938 г., Т. Д. Давлетшин являлся типичным советским ученым-юристом, руководителем низового звена (начальник управления строительства малых ГЭС), желавшим процветания Советского Союза. Вскоре обвинения были сняты. «Я уцелел»³⁶, – писал о себе Т. Д. Давлетшин. Как видно из автобиографии клеветническая кампания, проведенная в его адрес, родила в нем убежденность в необходимости повсеместной демократизации советской власти. И судьба предоставила ему такую возможность.

В 1938-1941 гг. он занимал должность профессора гражданского права Казанского всесоюзного юридического института и начальника юридического отдела Президиума Верховного Совета Татарской АССР. Тем не менее, работая на протяжении двух лет в Президиуме Верховного Совета, он все больше убеждался в крайне низком уровне советского федерализма, в отсутствии реальных полномочий у автономной республики, формальности конституционализма и игнорировании конституционных гарантий прав и свобод граждан. Существенную роль в эволюции взглядов Т. Д. Давлетшина сыграли репрессии, проводимые в ТАССР. Он захотел максимально отстраниться от тоталитарного аппарата управления, в связи с чем ушел с должности начальника юридического отдела и занялся адвокатской практикой с параллельным преподаванием в Казанском юридическом институте³⁷.

В 1941 г. Т. Д. Давлетшина призвали на фронт, и в этом же году его дивизия попала в окружение и была разгромлена. Оставшиеся в живых, в том числе и Т. Д. Давлетшин, попали в плен. В 1942 г. ученый был освобожден и жил в Берлине. Будучи ученым, и имея серьезные проблемы с легкими, в дальнейших боевых действиях участия он не принимал. Пребывая в Берлине, он занимался литературной деятельностью и журналистикой, участвовал в организации и работе татарской газеты «Идель-Урал», в которой писал исторические статьи. От проводимых немецкой властью мероприятий среди советских военнопленных он был далек. После окончания войны Т. Д. Давлетшин остался в ФРГ. «Надежды народов на демократизацию внутренней жизни Советского Союза, на предоставление гражданских прав и свобод населению после победоносной войны не оправдались. Все это не настраивало меня оптимистически»³⁸, – писал сам татарский юрист.

В 1951-1969 гг. он являлся старшим научным сотрудником Института по изучению истории и культуры Советского Союза в Мюнхене, 18 лет состоял членом ученого совета института и несколько раз занимал должность его председателя.

Т. Д. Давлетшин являлся автором более 80 научных работ (не считая большое количество газетных статей), основной тематикой которых были вопросы истории татарской государственности, советского федерализма, государственного устройства, гражданского и трудового права, также часть трудов была посвящена культуре и просвещению татарского и других тюркских народов Советского Союза. В свое время благодаря М. З. Закиеву стал известен перечень научных трудов Т. Д. Давлетшина³⁹.

Фундаментальным трудом Т. Д. Давлетшина является его книга «Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики», изданная в 1974 г. в Лондоне на русском языке. Можно в полной мере согласиться с И. А. Гилязовым, отмечающим во вступительной статье к монографии, что данная работа уникальна, так как представляет собой единственную историческую монографию, созданную

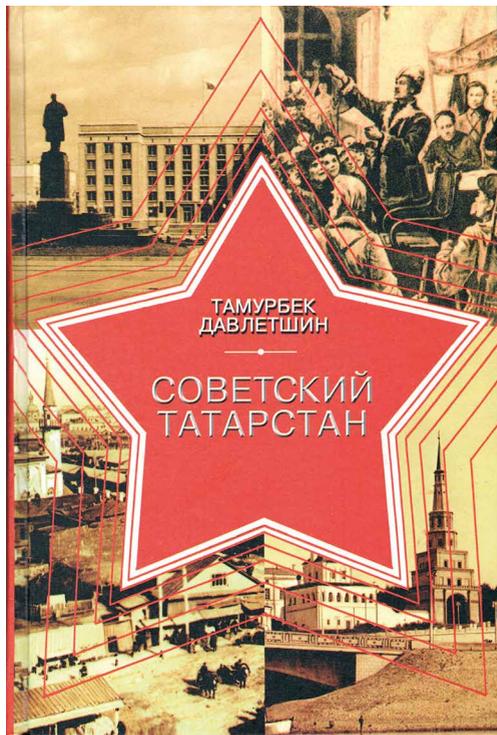
в послевоенное время татарским эмигрантом и посвященную в целом истории Татарстана. Данная монография, безусловно, являлась продуктом «холодной войны», но то же время объективно и трезво оценивала многие события недавнего прошлого⁴⁰.

Очень сложно в нескольких предложениях охарактеризовать столь объемный и фундаментальный труд как «Советский Татарстан». Поэтому постараемся подчеркнуть лишь некоторые его ключевые моменты, имеющие ключевое значение для государственно-правового развития татарского народа.

Работа Т. Д. Давлетшина состоит из четырех разделов, два из которых посвящены борьбе татарского народа за свое самоопределение, а третий и четвертый непосредственно ТАССР. На протяжении всей работы автор показывает, что единственной целью советской национальной политики являлось «слияние наций» и затирание национальной идентичности⁴¹.

Особое внимание Т. Д. Давлетшин уделял решениям, принятым XIV Съездом Всесоюзной коммунистической партии, проходившим с 18 по 31 декабря 1925 г., который провозгласил строительство социализма в СССР. Этот съезд стал рубежной чертой, после которой началось поэтапное сужение полномочий автономных республик, в том числе и Татарской АССР⁴². Реализация решений съезда в части индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства привело к репрессиям против руководства республик и к повсеместному усилению централизации государственного аппарата. Стала выстраиваться жесткая властная вертикаль. Советский федерализм, не просуществовавший и нескольких лет с момента своего появления, становится обузой для тоталитарного режима. Добровольное подчинение тирании сталинизма было невозможным, а потому началось раскручивание маятника репрессий. Одним из первых шагов в данном направлении стало «дело о султангалиевщине». В этом отношении Т. Д. Давлетшин писал, что «слово “султангалиевец” стало синонимом антисоветского элемента; оно было предшественником слова “враг народа”, введенного в употребление несколько позже во время “Ежовщины”»⁴³.

С 1925 г. и до самого распада СССР централизация являлась неотъемлемой составляющей советского псевдофедерализма. Многие непереносимые атрибуты автономной государственности становятся чисто формальными. К таковым Т. Д. Давлетшин относил и Конституцию ТАССР 1937 г., которая ничем не отличалась от десятка других республиканских конституций⁴⁴. Автономный конституционализм, и без того сильно зажатый в рамках советской системы, был фактически сведен на нет.

Давлетшин Т. Д. Советский Татарстан. – Казань: Жиен, 2005. – 485 с.

Davletshin T. D. Soviet Tatarstan. – Kazan: Zhien, 2005. – 485 p.

«В тридцатых годах в народном хозяйстве, в государственном управлении и в идеологии была уже достигнута законченная централизация, и область автономных прав республики сузилась настолько, что она мало чем отличалась от обыкновенных административно-территориальных подразделений Советского Союза»⁴⁵, – отмечал ученый. Данный подход к правовому статусу автономных республик в дальнейшем будет полностью перенесен и в Конституцию СССР 1977 г., которая представляла собой документ компромиссного характера, «законсервировав» противоречия между демократическими или консервативными тенденциями.

Несмотря на критику в адрес автономного конституционализма, тем не менее, Т. Д. Давлетшин весьма высоко характеризовал нормативную составляющую Конституции ТАССР 1937 г. В частности, он подчеркивал ее главную особенность, говоря, что в ней зафиксировано «выражение лучших идеалов человечества, как демократия, свобода слова, свобода печати, свобода совести, и другое, осуществление которых, однако, на другой же день было поставлено под запрет»⁴⁶.

В действительности регулирование социальной жизни народа продолжалось писаными и неписаными нормами повседневного партийного руководства, которое выступало как единственно правомочная сила, определяющая реальный политический порядок в стране. Тоталитарный режим 1930-1940-х гг. сузил автономный конституционализм до минимальных границ в плане его реализации. В этом ключе Т. Д. Давлетшин отмечал: «После принятия конституции Татарской республики в 1937 г. функции высших органов ее настолько сузились, что даже их решения по таким вопросам, как переименования населенных пунктов и перечисления их из одного района в другой в пределах республики, присвоение имен отдельных лиц театрам, школам и т.п. стали представляться на утверждение Президиума Верховного Совета РСФСР. Даже на созыв сессий Верховного Совета республики фактически стало испрашиваться согласие Москвы»⁴⁷. И эта открытая честная критика ученого не была голословной. Современные юридические исследования доказывают их стопроцентную правоту. В частности, можно привести слова М. Х. Фарукшина: «От того, к какому сорту относили нацию, зависели ее государственный статус и вся совокупность предоставленных ей прав, не говоря уже о том, что многие народы вообще не имели своей национальной государственности. Никто, например, не мог разумно объяснить, почему так называемая союзная республика с населением 1,5-2,5 млн человек посылала сначала в Верховный Совет СССР, позже на Съезд народных депутатов СССР 32 депутата, а превосходившая ее в два раза по численности населения автономная республика – только 11 или почему автономные республики, в отличие от союзных, были лишены, например, права иметь национальные Академии наук, студии художественных фильмов, должны были испрашивать у Москвы разрешение на открытие новой газеты или памятника на своей территории, на увеличение количества часов для радио- и телепередач на родном для титульной нации языке и т. д.»⁴⁸.

Занимая в свое время весьма высокий пост начальника юридического отдела Президиума Верховного Совета ТАССР, Т. Д. Давлетшин мог лично наблюдать те тенденции, которые протекали в системе советского управления, и как реальная деятельность органов власти соотносилась с интересами и чаяниями татарского народа. В данном отношении он отмечал: «Верховные Советы и их Президиумы, избранные во второй половине тридцатых годов, пришли к жизни в момент полного разочарования народа советским режимом, когда проводились массовые аресты среди населения и каждая семья оплакивала либо кого-нибудь из членов своих, либо из близких родственников или друзей, бесследно исчезнувших в лагерях НКВД; когда в национальной политике коммунистической партии произошел крутой

поворот от молчаливого терпения развития национальных культур нерусских народов в сторону русификации их»⁴⁹. В таких условиях не только невозможно было ставить вопрос о расширении полномочий Татарской АССР, но и о защите элементарных прав граждан не могло быть и речи. Любой мог быть обвинен в национализме и, в лучшем случае, отправлен в лагерь. Кроме того, не было уже и тех лидеров, которые могли бы предложить иные пути развития советского федерализма и практической реализации конституционных норм.

Сращивание государственного аппарата с партией привело к существенному нивелированию роли права как такового. Законом становилась воля «вождя», которая облачалась в партийные директивы и проводилась через указное право Президиума Верховного Совета СССР. По данному поводу Т. Д. Давлетшин очень тонко подметил: «Источником власти областного комитета партии является не право, не закон, а полномочие Политбюро ЦК КПСС, действующее в свою очередь также во внеконституционном порядке, опираясь лишь на фактическую силу»⁵⁰.

Высшие органы государственной власти Татарской АССР были во многом лишь инструментами для проведения политики общесоюзного центра. Инициативы на местах практически не существовало. Полномочия республики имелись в таком количестве, чтобы их хватало на выполнение спущенных сверху директив. Номинальность Верховного Совета Татарской АССР как высшего представительного (законодательного) органа была очевидна. Здесь Т. Д. Давлетшин пояснял: «Практически сессии Верховного Совета имеют лишь пропагандное значение. Обычно вопросы, которые стоят на повестке дня сессий, это внесение изменений в конституцию, причем эти изменения не идут дальше изменения состава Совета Министров в связи с ликвидацией какого-либо министерства или образованием нового. Далее на сессиях утверждаются изменения в персональном составе Совета Министров, т. е. увольнения и назначения министров, а также изменения в персональном составе Верховного Суда республики, происшедшие между сессиями. Наконец, сессия утверждает бюджет республики. Все эти вопросы решаются на сессиях Верховного Совета не по существу, а лишь получают свое оформление. По существу, они решаются или в Татарском областном комитете партии или даже в Москве... Что касается бюджета республики, то он рассматривается и корректируется прежде всего в Министерстве финансов в Москве, сотрудники которого имеют большое влияние на конструирование бюджета Татарской Республики, чем сессия Верховного Совета в Казани»⁵¹. Таким образом, Т. Д. Давлетшин указал на важный аспект формы советских федеративных отношений – отсутствие бюджетного федерализма.

Безусловно, сильнее всего полномочия ТАССР были ограничены в бюджетной сфере. В модели советской федерации вообще не было место бюджетному федерализму. Например, А. Г. Галлямова отмечает: «В так называемый брежневский период экономика СССР во многом держалась благодаря “нефтедолларам”, добытым на территории Татарской АССР... В 1960-1970-е гг. доля республики в общесоюзной добыче нефти составляла 25-30 %»⁵². Однако республика являлась лишь сырьевым источником для коммунистической экспансии, проводимой центром в мире. В этом ключе Т. Д. Давлетшин также писал: «Попытки децентрализации управления народным хозяйством СССР, начатые в пятидесятых годах, не увенчались успехом, ибо они вступили в противоречие с идеологией централизма, на которой основано советское государство. В 1962 г. децентрализация хозяйственного управления приостановилась, уступив место обратному процессу – централизации, которая была завершена в середине шестидесятых годов»⁵³. Несмотря на то, что весь

экономический базис Татарской АССР был создан трудом его многонационального народа, распоряжаться им он не мог. Этому аспекту Т. Д. Давлетшин уделял особое внимание⁵⁴. Ограничение ТАССР в распоряжении своей материальной, финансовой и ресурсной базой ярко проявляло факт слабости советского менеджмента. Общесоюзный центр не рассматривал никакие иные проекты для более успешного развития экономики страны.

На период первой половины 1970-х гг. Т. Д. Давлетшин делал вполне обоснованный вывод об отсутствии каких бы то ни было факторов для роста самостоятельности Татарской АССР в деле государственного строительства. Ученый отмечал: «Централизация государственного управления в СССР зашла в настоящее время так далеко, что даже такое классическое автономное министерство, как министерство просвещения, сохранявшее в союзных республиках свой автономный характер в течение почти 50 лет, было в 1966 г. централизовано путем преобразования его в союзно-республиканское министерство»⁵⁵. Ученый подводит читателя к тому факту, что унитарный федерализм в СССР настолько врос в политико-правовую действительность, что подчинил себе абсолютно все сферы, в которых могла проявиться самостоятельность автономных республик. В модели советского федерализма он не видел перспектив для повышения правового статуса ТАССР.

Новые управленческие кадры, пришедшие в 1960-1970-х гг., как пишет Т. Д. Давлетшин, ради сохранения своего привилегированного положения должны были выполнять всякое требование партии, не заботясь о татарском народе и о развитии его национальной культуры⁵⁶. Однако критика Т. Д. Давлетшина не совсем справедлива, эти новые управленческие кадры в существующих условиях советской централизации иначе вести себя и не могли. Процесс централизации власти постепенно увеличивал дистанцию между бюрократической партийной элитой в советских союзных и автономных республиках и национальной интеллигенцией. Последняя приобретала все больший авторитет среди масс населения. Это размежевание резко обострилось в преддверии распада Советского Союза. В этот период именно благодаря национальной интеллигенции начинают оформляться мощные национальные движения, которые включаются в борьбу за повышение статуса республик. Национальное движение, возникшее в Татарской АССР в конце 1980-х гг., является самым ярким примером возрождения национального самосознания народа в СССР.

Уже в 1970-е гг. Т. Д. Давлетшин четко указал на главную проблему, тормозившую развитие советского государства и, в частности, Татарской АССР, – это коммунистическая партия. В этом ключе он внимательно рассмотрел концепцию общенародного государства, выдвинутую еще Н. С. Хрущевым в 1961 г. на XXII Съезде КПСС. В данном ключе ученый пояснял, что данная концепция, заменившая собой диктатуру пролетариата, ничего не могла изменить, потому что она не пересмотрела отношение к коммунистической партии, как основному фактору, определявшему всю жизнь в СССР⁵⁷. Его идея о необходимости ликвидировать господство КПСС в деле государственного и правового строительства почти на два десятилетия опередила свое время.

Все нападки со стороны советских ученых на Т. Д. Давлетшина, обвинение его в «ярой антисоветчине» были всего лишь желанием очернить одного из самых выдающихся юристов среди татарской эмиграции. В качестве примера обвинений в его адрес можно привести «красочные слова» М. И. Абдуллина и С. Г. Батыева, писавших: «Заявление Давлетшина-Уязбека – это бред татарского националиста, видящего шовинистические сны. Ему снятся государства болгарских и татарских феодалов, угнетавшие другие народы Поволжья и Приуралья»⁵⁸. Однако, в отличие

от своих критиков, Т. Д. Давлетшин не позволял себе столь резких высказываний в адрес своих оппонентов. Его критика была в основном в отношении советского федерализма и национальной политики, советской системы управления и права. Она, как это будет подтверждено позже, являлась весьма объективной и предметной.

Тематика последних написанных Т. Д. Давлетшиным работ показывает, что татарского юриста в большей степени стали беспокоить вопросы советской экспансии в мире и затирания национальной идентичности народов СССР. Он видел реальность брежневской эпохи, заключавшейся в наличии огромных проблем в реализации принципа равноправия народов и в последовательном, хотя и официально не афишируемом, отказе от идеи построения общенародного государства.

Безусловно, Т. Д. Давлетшин не был сторонником советской власти, но это не значит, что ему претил социализм. В его научных трудах четко прослеживается стремление соединить социалистические начала с национально-демократическим базисом. Особо ярко это проявляется в его работах, посвященных изучению функционирования тех или иных отраслей и институтов права. После распада СССР у историков появился интерес к трудам Т. Д. Давлетшина⁵⁹, но нельзя сказать того же о юристах. Ставящиеся и решаемые Т. Д. Давлетшиным проблемы советского государства и права представляют собой огромную значимость в формировании общей картины политико-правовых воззрений татарской эмиграции на постсоветский Татарстан.

Подводя общий итог анализу взглядов Шамиля Шарифовича Хафизова и Тамурбека Динмухаметовича Давлетшина на модель советского федерализма и место в ней Татарской АССР, можно сделать ряд выводов. Ш. Ш. Хафизов, в проведении своих исследований был крепко привязан к коммунистическим постулатам, как и все советские ученые находился под пристальным наблюдением соответствующих спецслужб, а потому не мог высказывать свою позицию открыто. С другой стороны, Ш. Ш. Хафизов, находясь непосредственно в СССР, имел возможность воочию наблюдать протекавшие в стране и республике процессы, а потому в социологическом отношении давать им более верную оценку. В свою очередь, Т. Д. Давлетшин был абсолютно свободен в высказывании собственной научной точки зрения. Он имел открытый доступ к разным источникам информации. Особо важно и то, что Т. Д. Давлетшин мог на практике сравнить, как реализуются конституционные гарантии прав и свобод граждан в СССР и западных странах.

Естественно, Ш. Ш. Хафизов и Т. Д. Давлетшин это два разных типа татарских ученых-юриста – советский и антисоветский. Несмотря на это в их взглядах можно найти и несколько точек соприкосновения. Во-первых, оба сходились во мнении о недостаточности самостоятельности высших органов власти автономных республик в решении вопросов местного характера. Во-вторых, оба выступали за повсеместное расширение правомочий автономных республик и, в частности, за повышение правового статуса Татарстана. В-третьих, оба акцентировали внимание на то, что государственность автономной республики построена на национальном фундаменте, и об этом не следует забывать.

Ш. Ш. Хафизов и Т. Д. Давлетшин являлись не просто крупными теоретиками права, но и высококвалифицированными юристами-практиками в сфере государственного строительства. Глубина их погружения в проблематику истории татарской государственности, формировании советского федерализма, создании отраслевого законодательства и практику конституционного строительства, позволяет сказать, что каждый из них внес существенный вклад в общую копилку татарской правовой мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 года // Декреты Советской власти. Т. 1. (25 октября 1917 года – 16 марта 1918 года). – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958. – № 9. – С. 39-41.
2. Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 9 (296). – С. 199.
3. Земцов А. Л. Конституция СССР 1977 г. // Проблемы науки. – 2017. – № 22 (104). – С. 43-44.
4. Юридический факультет Казанского университета: Два века образования и науки. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – С. 44.
5. Хафизов Ш. Ш. Образование Татарской АССР. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1960. – 104 с.; Хафизов Ш. Ш. Татарстан АССРның төзелүе. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1960. – 88 б.
6. Сентябрьский Пленум ЦК КПСС 1965 года и новое финансовое законодательство: (Учебно-методическая разработка к практическим занятиям по советскому финансовому праву на 1965-1966 учебный год) / Ред. канд. юрид. наук Ш. Ш. Хафизов; Казан. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Юрид. фак. – Казань, 1966. – 23 с.
7. Хафизов Ш. Ш. Образование и развитие Татарской АССР: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1964. – 517 с.
8. Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 года «О введении в действие Положения о судостроительстве РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 69. – Ст. 902.
9. Хафизов Ш. Ш. Развитие советской государственности татарского народа / Под ред. С. Г. Батыева. – Казань: Таткнигоиздат, 1966. – С. 35.
10. Конституция Автономной Татарской Социалистической Советской Республики. Проект был принят 25 июня 1926 года на II сессии ЦИК ТАССР и одобрен 13 марта 1926 года на VI Съезде Советов ТАССР // Республика Татарстан. Конституция. Татарстан Республикасы Конституциясе. – Казан, 2012. – С. 10-23.
11. Хафизов Ш. Ш. Развитие советской государственности ... – С. 40.
12. Там же. – С. 42.
13. Конституция Татарской Автономной Советской Социалистической Республики, утверждена постановлением Чрезвычайного XI съезда Советов Татарской АССР 25 июня 1937 года // Свод законов Республики Татарстан. – В 9 т. Т. 1. – Казань: Идел-Пресс, 2010. – С. 31-42.
14. Хафизов Ш. Ш. Развитие советской государственности ... – С. 150.
15. Там же. – С. 130.
16. Там же. – С. 150.
17. Там же. – С. 130.
18. Там же. – С. 130-131.
19. Фаткуллин Ф. Ф., Краснов Э. В. Научно-педагогическая деятельность Ф. Н. Фаткуллина // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – № 4. – 2020. – С. 94.
20. Хафизов Ш. Ш. Развитие советской государственности ... – С. 145.
21. Там же. – С. 153.
22. Там же. – С. 148.
23. Там же. – С. 155-156.
24. Там же. – С. 150.
25. Там же. – С. 153.
26. Там же. – С. 154.
27. Там же. – С. 179-180.
28. Там же.
29. Там же. – С. 180.
30. Там же. – С. 183.
31. Там же. – С. 183-184.
32. Там же. – С. 187.
33. Там же.
34. Багаутдинов Ф. Н. История юридических наук в Республике Татарстан в последнее столетие // Историческая этнология. – 2021. – № 1. – С. 141-150; Гиздатуллин Р. Г. Идеино-политическая борьба в Татарстане за реализацию национальных интересов татарского народа: 1920-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2007. – 20 с.
35. Давлетшин Т. Д. Автобиография // Татарстан. – 1991. – № 11. – С. 67.

- 36 . Там же. – С. 68.
 37 . Там же.
 38 . Там же. – С. 69-70.
 39 . Проблемы лингвоэтноистории татарского народа / АН Татарстана. Отд-е гуманитар. наук. Ин-т яз., лит. и ист. им Г. Ибрагимова; редкол.: М. З. Закиев (отв. ред.), Ф. Г. Гарипова. – Казань: Изд-во «Фэн», 1995. – С. 183-194.
 40 . Давлетшин Т. Д. Советский Татарстан. – Казань: Жиен, 2005. – С. 9.
 41 . Там же. – С. 18.
 42 . Там же. – С. 235.
 43 . Там же. – С. 236.
 44 . Там же. – С. 242.
 45 . Там же. – С. 241.
 46 . Там же. – С. 249.
 47 . Там же. – С. 250.
 48 . Фарукишин М. Х. Сравнительный федерализм: учебник по спецкурсу. – Казань: Изд-во Казанск ун-та, 2001. – С. 64.
 49 . Давлетшин Т. Д. Советский Татарстан... – С. 251.
 50 . Там же. – С. 248.
 51 . Там же. – С. 244-245.
 52 . Галлямова А. Г. Татарская АССР в период постсталинизма (1945-1985). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. – С. 59, 60.
 53 . Давлетшин Т. Д. Советский Татарстан... – С. 258.
 54 . Там же. – С. 258.
 55 . Там же. – С. 259.
 56 . Там же. – С. 252.
 57 . Там же. – С. 259.
 58 . Абдуллин М. И., Батыев С. Г. Татарская АССР: реальность и буржуазные мифы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. – С. 117.
 59 . Гилязов И. А. Татарские газеты и журналы в Германии в годы второй мировой войны // Вестник КазГУКИ. – 2012. – № 3-2. – С. 129-132; Закиров Р. З. К проблеме изучения источников по истории татарского народа в XX в. // Известия АлтГУ. – 2007. – № 4-3. – С. 82-89.

Список литературы

- Абдуллин М. И., Батыев С. Г. Татарская АССР: реальность и буржуазные мифы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. – 200 с.
 Галлямова А. Г. Татарская АССР в период постсталинизма (1945-1985). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. – 455 с.
 Давлетшин Т. Д. Автобиография // Татарстан. – 1991. – № 11. – С. 65-69.
 Давлетшин Т. Д. Советский Татарстан. – Казань: Жиен, 2005. – 485 с.
 Земцов А. Л. Конституция СССР 1977 г. // Проблемы науки. – 2017. – № 22 (104). – С. 38-45.
 Проблемы лингвоэтноистории татарского народа / Редкол.: М. З. Закиев (отв. ред.), Ф. Г. Гарипова. – Казань: Изд-во «Фэн», 1995. – 196 с.
 Фарукишин М. Х. Сравнительный федерализм: учебник по спецкурсу. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. – 284 с.
 Фаткуллин Ф. Ф., Краснов Э. В. Научно-педагогическая деятельность Ф. Н. Фаткуллина // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – № 4. – 2020. – С. 92-100.
 Хафизов Ш. Ш. Развитие советской государственности татарского народа / Под ред. С. Г. Батыева. – Казань: Таткнигоиздат, 1966. – 222 с.
 Юридический факультет Казанского университета: Два века образования и науки. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – 180 с.

References

- Abdullin M. I., Batyev S. G. *Tatarskaya ASSR: realnost i burzhuznyye mify* [The Tatar ASSR: reality and bourgeois myths]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1977, 200 p.

Gallyamova A. G. *Tatarskaya ASSR v period poststalinizma (1945-1985)* [The Tatar ASSR during the post-Stalinism (1945-1985)]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 2015, 455 p.

Davletshin T. D. *Avtobiografiya* [Autobiography]. IN: *Tatarstan* [Tatarstan], 1991, no. 11, pp. 65-69.

Davletshin T. D. *Sovetskiy Tatarstan* [Soviet Tatarstan]. Kazan: Zhien publ., 2005, 485 p.

Zemtsov A. L. *Konstitutsiya SSSR 1977 g.* [The Constitution of the USSR of 1977]. IN: *Problemy nauki* [Problems of science], 2017, no. 22 (104), pp. 38-45.

Problemy lingvoetnoistorii tatarskogo naroda. Redkol.: M. Z. Zakiev (otv. red.), F. G. Garipova [Zakiev M. Z. (ed.), Garipov F. G. (ed.) Problems of linguistic and ethnic history of Tatar people]. Kazan: Fen publ., 1995, 196 p.

Farukshin M. H. *Sravnitelnyy federalizm: uchebnik po spetskursu* [Comparative federalism: a textbook for a special course]. Kazan: Kazansk. un-ta publ., 2001, 284 p.

Fatkullin F. F., Krasnov E. V. *Nauchno-pedagogicheskaya deyatel'nost' F. N. Fatkullina* [Scientific and pedagogical activity of F. N. Fatkullin]. IN: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities series], no. 4, 2020, pp. 92-100.

Khafizov Sh. Sh. *Razvitie sovetskoy gosudarstvennosti tatarskogo naroda* [Batyeva S. G. (ed.) Development of the Soviet nationhood of Tatar people]. Kazan: Tatknigoizdat publ., 1966, 222 p.

Yuridicheskiy fakultet Kazanskogo universiteta: Dva veka obrazovaniya i nauki [Legal faculty of Kazan University: Two centuries of education and science]. Kazan: Kazansk un-ta publ., 2004, 180 p.

Сведения об авторе

Зайнутдинов Динар Рафаилович, кандидат юридических наук, доцент, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), e-mail: knight_1988@mail.ru

About the author

Dinar R. Zaynutdinov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, V.G. Timiryasov Kazan Innovative University (IEMU), e-mail: knight_1988@mail.ru

В редакцию статья поступила 24.06.2022, опубликована:

Зайнутдинов Д. Р. Взгляд двух юристов на Советский Татарстан: Ш. Ш. Хафизов и Т. Д. Давлетшин // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2022. – № 4. – С. 6-22.

Submitted on 24.06.2022, published:

Zaynutdinov D. R. *Vzglyad dvuh yuristov na Sovetskiy Tatarstan: Sh. Sh. Khafizov i T. D. Davletshin* [Views of two lawyers on Soviet Tatarstan: Sh. Sh. Khafizov and T. D. Davletshin]. IN: *Gasyrlar avazy – Echo vekov* [Echo of centuries], 2022, no. 4, pp. 6-22.